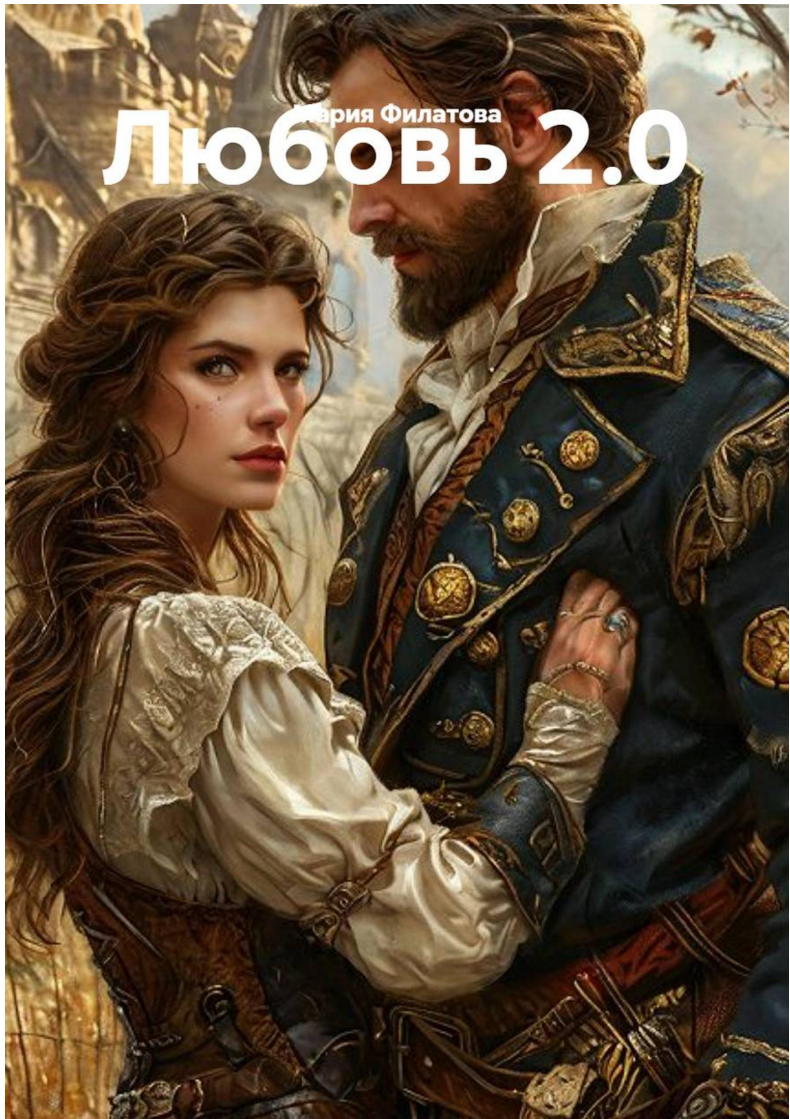

Серия Филатова

Любовь 2.0

Мария Филатова

Любовь 2.0

<https://litres.ru/74089456>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман о любви, становлении личности, о пережитках прошлого и крепостном праве.

В двух томах

Содержание

Глава 1

4

Глава 2

5

Мария Филатова

Любовь 2.0

Глава 1

Осень 1881 года

Глава 2

Глава 1

Ранее апрельское утро.

Небо висело низко, придавливая город к земле. Тяжёлые, набухшие влагой тучи ползли над крышами, словно стая усталых зверей. Дождь шёл уже третий день — не ливень, а нудная, монотонная морось, превращающая улицы в мутные зеркала, отражающие всё ту же серость. Капли стекали по стёклам, рисуя на них хаотичные узоры — будто кто-то пытался передать послание на забытом языке.

Мишель ехала в простой крестьянской телеге молча. Дождь стучал по телеге монотонно и безжалостно, будто отсчитывал дни, которые уже не вернуть. Десятилетняя Мишель сидела, съёжившись, на охапке сырого сена, обхватив колени руками, и смотрела, как капли сползают вниз — одна за другой, словно слёзы, которых у неё уже не осталось. В груди было пусто — так пусто, что это ощущение казалось почти физическим: будто кто-то вынул изнутри всё тёплое и живое, оставив лишь холодную, гулкую пустоту. Ещё недавно у неё были мама и дом, а теперь — только эта скрипучая телега, хмурое небо над головой да дорога, уводящая всё дальше в глушь орловской губернии. Лошадь плелась вперёд, фыркая и встряхивая мокрой гривой, возница изредка

покрикивала на неё, но Мишель не слышала — она будто отделилась от всего мира, замкнулась в своей тишине, где не было ни прошлого, ни будущего, а только бесконечный дождь и мерное покачивание телеги, увозившей её прочь от всего, что она когда-то называла жизнью.

Само понятие «крепостное право» было разрушительно и для страны, и для общества. Отставание в развитии экономики — ничто по сравнению с человеческой болью. Болью разума...

Мама Мишель была крепостной, служила в барском доме и, как все молодые девушки, мечтала о большой любви. В один прекрасный солнечный день в отчий дом вернулся молодой барин. Родители отсылали его учиться во Францию, и теперь все с нетерпением ждали его возвращения. Молодой граф был хорош собой, зная это, умело этим пользовался. Посетив любой бал столицы, он, непременно, покидал его с дамой. Мама Мишель не была исключением и страстно влюбилась в молодого господина. Их роман был коротким и тайным, без слов любви и обязательств. Земля уходила из-под ног, становилось тяжело дышать и за действия уже отвечало сердце, а не разум. Страсть стирала все мыслимые и немыслимые границы. К сожалению, эта история закончилась печально. Мама Мишель, узнав о беременности, сразу сообщила молодому господину. И тут «включилась голова». Союз между крепостной и графом был невозможен, да и сам граф считал их роман очередной интрижкой. Но Мишель было

суждено родиться. Мама любила ее все 9 месяцев, пока носила ее под сердцем, и потом до последнего своего вздоха. Для нее Мишель была плодом большой любви. Каждое утро она благодарила Бога за то, что тот подарил ей Мишель. Имя отца маленькой девочки для всех оставалось тайной. Граф знал, что у него растет дочь, но не решился ее признать и полностью вычеркнул их с мамой из своей жизни.

Мишель росла смышленной девочкой, играла с такими же дворовыми детьми, помогала маме по дому и всегда лучезарно улыбалась, как бы трудно ей не было. В то время ей казалось, что так будет всегда- материнская любовь и забота помогали пережить усталость от тяжелой работы, а иногда и голод.

Когда Мишель было 10 лет, ее мама тяжело заболела. Деревенская знахарка три дня не отходила от ее постели, но все впустую. К тому времени молодой граф уже женился на даме своего круга. Новость о смерти о его бывшей возлюбленной быстро разнеслась по поместью. Люди начали судачить. Граф понимал, что теперь люди могут прознать, о том, что Мишель его родная незаконнорожденная дочь. Внутри графа боролись два чувства: чувство долга перед родной дочерью и чувство ответственности перед семьей и родом. Раньше граф частенько незаметно наблюдал за жизнью Мишель. Радовался каждой случайной встрече с ней, но никогда не показывал виду, что по-своему любит эту лучезарную девочку. Всю ночь он не сомкнул глаз. Спустя столько лет он по-

нял, как искренне, как чисто и по-настоящему бескорыстно любила его мама Мишель, не требуя ничего взамен. Воспоминания полностью поглотили графа. Наконец-то он смог признаться себе в том, что мама Мишель была для него лучиком света, что только с ней он мог быть настоящим. Граф сожалел о многом, но система того времени не позволяла ему признать дочь. Тоска и грусть разрывали его сердце. Он оглянулся вокруг: вся роскошь, балы, светские беседы ни о чем — все это было фальшью, притворством, но он ничего не мог изменить. Или не хотел...

Утром было принято решение отправить Мишель из столицы в Орловскую губернию. Граф просто подарил несколько крестьян своему другу-графу Алексею Баранцову.

Старинный русский графский дворянский род Баранцовых происходит от Родиона Савельича Баранцова. Шел 1677 г. Турецкие войска перешли реку Дунай в конце июля, затем форсировали реку Днестр. Получив сведения о движении противника к Чигирину, князь Г.Г. Ромодоновский направил к Днепру передовые полки. Чигиринский поход длился до осени. Русско-казацкая армия в итоге сумела разбить турецко-крымскотатарские войска, отбросив их назад почти на 5 километров.

Поскольку турецко-крымскотатарские силы оказались недостаточны, чтобы занять Чигирин, а турки воевали только в теплое время года, в ночь на 8 сентября турки сняли осаду Чигирина, не дожидаясь основных сил русской армии. Из-

за нежелания вести прямые военные действия с русско-казацкой армией в Турции произошла смена власти, а князь Г.Г. Ромадоновский считался победителем.

Прадед графа-Родион Савельевич Баранцов- служил под началом Романовского, и, пройдя весь Чигиринский поход попал в милость государю, за что был удостоен полистным окладом. В основе полистной системы лежало полистье-участок государственной земли, данный государством в личное владение служившему человек, как награда за службу.

Портрет Родиона Баранцова занимал центральное место в доме Баранцовых.

Так уж исторически сложилось, что титул графа в России стал самым престижным, хотя по статусу был ниже княжеского. До Петра I этот титул вообще не применялся. Для поднятия значимости и авторитета своих соратников, создавая единое служилое дворянское сословие, в 1706 году Петр сам произвел российского подданого в графы. Этой высокой чести удостоился Шереметьев, за подавление бунта.

Как известно 1722 г Петр ввел «Табель о рангах», для создания новой системы чинов. Все дворяне, включая родовую знать обязаны были служить. Сформировалось привилегированное служебное дворянское сообщество, которое полностью находилось под контролем монархической власти и было лишено многих прав. И кто знает, что на тот момент было лучше: быть потомственным дворянином или получить личное дворянство, без права передачи титула по наследству.

Окончательно российское дворянство достигло привилегированного сословия при Екатерине II, которая утвердила вольности и привилегии дворянам, включая свободу от обязательной службы, личных податей и телесных наказаний, неприкосновенность дворянского достоинства, право владеть землей и крепостными крестьянами. Позже был издан указ «О дворянстве». В нем упоминалось о шести разрядах дворянства, и только 6 разряд «древние благородные дворянские роды» - ценился превыше всех остальных полученных титулов.

Граф Баранцов принадлежал к старинному русскому роду и их род был записан в 6 пункте дворянской родословной книги. Это было самым почетным. Вся семья, включая восьмиюродных братьев и сестер, гордились своей родословной.

Прошел год с тех пор, как Мишель покинула родной дом. Это был год тишины. Девочка не проронила ни слова. Дворовые девки смеялись над ней, называя немой. Но Мишель все слушала молча, не отвечая. Ее боль от потери матери была настолько сильна, что ее дальнейшая судьба ее не волновала, жизнь не имела никакого смысла. Она молча выполняла работу, которую ей поручали. Глаза уже не плакали, плакала только душа. Никто не видел ее внутренней боли, жизнь продолжалась. Мишель часто вспоминала, как гуляла с мамой, как они плели венки на голову из одуванчиков, как зимой играли в снежки и радовались редким солнечным дням. Эти воспоминания согревали душу ей душу и придавали сил.

Мишель неторопливо гуляла по широкому полю, вдыхая терпкий аромат разнотравья. Солнечные лучи ласково согревали кожу, а лёгкий ветерок играл локонами, выбившимися из-под косынки. Она аккуратно срывала цветы и травы, сплетая их в изящный венок, — так когда-то учила её мама. Воспоминания о тёплых совместных прогулках, о маминском нежном голосе и улыбке на мгновение заполнили сердце светлой грустью, унося в то прекрасное время. Мишель улыбнулась, вспоминая, как мама вплетала в венок яркие васильки и шептала старинные приметы о цветах.

Вдруг идиллию нарушил резкий шум: дробный топот копыт разорвал тишину, и в воздухе взметнулся густой столб пыли. Мишель вздрогнула и замерла, прислушиваясь. Сквозь пыльную завесу постепенно проступили силуэты всадников — и вот уже отчётливо виднеется он: молодой граф в строгом военном кителе, окружённый весёлой компанией друзей. Его осанка была прямой и горделивой, а конь под ним — статным и породистым, словно сошедшим со страниц старинной гравюры. Всадники громко переговаривались и смеялись, но стоило графу заметить Мишель, как его лицо мгновенно стало серьёзным, а смех товарищей затих.

От неожиданности Мишель не удержалась на ногах и неловко упала, оказавшись на земле. Она лежала, слегка ошеломлённая, и смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами. Граф, словно почувствовав её взгляд, по-

вернул голову — и их глаза встретились. В этот миг время будто остановилось: в груди Мишель закололо от странного, незнакомого чувства, от которого перехватило дыхание. Казалось, весь мир сузился до этой единственной точки — их переплетённых взглядов. Она заметила, что у графа были удивительно светлые, почти серебристые глаза, контрастирующие с тёмным кителем.

Не раздумывая, граф остановил коня, ловко спешился и подошёл к Мишель. С лёгкой, чуть смущённой улыбкой он протянул руку, помогая ей подняться. Его ладонь была тёплой и твёрдой, а взгляд — внимательным и участливым. Мишель, всё ещё слегка растерянная, приняла помощь, чувствуя, как сердце бьётся чаще, а в душе зарождается что-то новое, неизведанное. Когда она встала, граф на мгновение задержал её руку в своей, а затем учтиво поклонился:

— Прошу прощения, мадемуазель, мы, кажется, напугали вас. Надеюсь, вы не пострадали?

Мишель, заливаясь румянцем, покачала головой и тихо ответила:

— Нет, благодарю вас... Всё в порядке.

В этот момент ветер подхватил её веночек, который упал на землю во время падения, и граф, не раздумывая, нахло-

нился, поднял его и аккуратно водрузил на голову Мишель, слегка коснувшись пальцами её волос. Это маленькая девочка заставила сердце графа биться сильнее. Всегда надменный молодой господин проявил уважение к обычной крепостной девчонке, сам не понимая почему... Ее взгляд пронзил его сердце и разум.

Это были первые слова Мишель за последние месяцы. Неожиданное тепло разлилось в ее душе. Она смотрела вдаль, провожая уезжающего графа. Не зная его имени, статуса, не зная ничего, она просто ощутила тепло, которое так давно забыла. На мгновение время остановилось, и тяжесть, давившая на плечи, стала чуть легче.